

— А-Юань, ты согласился! — в голосе Юнь И сквозило изумление, смешанное с радостью.

Раз ты так на меня смотришь, разве я мог не согласиться? — подумал про себя Гу Юаньлинь.

— Кхм... — Гу Юаньлинь постарался сохранить безмятежный вид. — Да, в конце концов, это всего лишь кабинет. Общем его, а если что — в худшем случае, просто рассоримся с ним окончательно.

— Благодарю, А-Юань. Не волнуйся, если что-то случится, я возьму весь удар на себя и ни в коем случае не втяну тебя, — серьезно пообещал Юнь И.

— Если я что-то делаю, значит, это делаю я, с какой стати тебе брать всё на себя? Мы друзья, а это называется не втягивать в неприятности, а разделять невзгоды!

Гу Юаньлиня позабавила такая пафосная манера речи друга. Он протянул руку, обхватив Юнь И за шею, словно в шутливой угрозе:

— Раз уж мы разделяем невзгоды, то должны делить и радости. В будущем тебе нельзя будет бросать меня и наслаждаться жизнью в одиночку.

В прошлом Гу Юаньлинь прошел через многое, барахтаясь в социальной среде, и успел насмотреться на эгоизм, бессердечие и холодность людей. Когда была выгода, они лезли из кожи вон, а стоило запахло жареным — всеми силами пытались переложить ответственность на других. Когда человек на коне, его окружают толпы, а когда падает — относятся как к бродячей собаке, и хорошо еще, если не пнут напоследок.

Такие люди, как Юнь И — которые вечно боятся кого-то побеспокоить и тащат на себе весь груз проблем, — встречались крайне редко.

Эх, не знаю, хвалить ли его за прямодушие или называть глупцом, — Гу Юаньлинь безмолвно вздохнул.

Юнь И, которого крепко обхватили за шею, с трудом дыша, инстинктивно дернулся назад, но, похоже, быстро понял, что Гу Юаньлинь просто шутит. На его лице промелькнула тень грусти, и лишь спустя некоторое время он произнес:

— Прости, я... у меня никогда не было друзей, и никто никогда не говорил мне таких слов.

Эти несколько тихих, простых фраз, словно игла, укололи сердце Гу Юаньлиня. Он словно увидел в них себя прежнего и вдруг остро осознал: у него самого раньше, кажется, тоже не было друзей. Он привык полагаться только на себя — выживание требовало постоянной беготни, и таким, как он, друзья были не нужны, куда важнее были деньги.

Но стоило этим словам слететь с губ Юнь И, как его сердце странным образом размякло, а в груди заныло. Гу Юаньлинь не умел утешать: когда человеку плохо, он вряд ли станет слушать чьи-то глубокомысленные наставления и добрые советы — куда важнее просто быть рядом и выслушать.

— Ничего страшного. Теперь у тебя есть друг, разве не так? — Гу Юаньлинь не стал сразу утешать Юнь И, а просто вернулся на свое место за столом. Он чувствовал, что Юнь И не захотел бы показывать свою уязвимость — сам он тоже терпеть не мог, когда другие видели его слабым и жалким. — Отправимся после полуночи, договорились?

Он задул свечу, которую зажгли ранее, создавая видимость того, что они уже легли спать.

— М-м, А-Юань, я думаю так же, — теплый голос Юнь И донесся из темноты, и от недавней печали, казалось, не осталось и следа.

Как быстро он берет себя в руки, — отметил про себя Гу Юаньлинь, но промолчал, лишь молча глядя на луну за окном.

— А-Юань, проснись.

Голос Юнь И раздался прямо у уха. Гу Юаньлинь промычал что-то невнятное и спросонья открыл глаза. Он не заметил, как заснул, опираясь на руки, и совершенно потерял счет времени.

Гу Юаньлинь резко пришел в себя и с ноткой самобичевания в голосе спросил:

— Который час?

— Не волнуйся, полночь только что миновала. Идем.

— Хорошо.

Юнь И первым вышел из комнаты. Гу Юаньлинь на мгновение задумался, вернулся, достал из своего узла два сигнальных огня, спрятал их за пазуху и поспешил вслед за Юнь И.

Они передвигались предельно осторожно, постоянно оглядываясь по сторонам. Видимо, большинство людей на вилле были заняты погоней за вором, поэтому во дворе было на удивление тихо, и патрульных им не встретилось.

Вскоре они добрались до кабинета. Осторожно осмотревшись и убедившись, что поблизости никого нет, они поддели дверь мечами и скользнули внутрь.

В помещении было темно, и зажигать свечи они не рискнули — освещая себе путь лишь лунным светом, пробивавшимся сквозь окна, они начали искать улики. Кабинет был обставлен скромно: на полках стояли книги и нефритовые безделушки, ничего необычного.

Юнь И принялся обыскивать письменный стол, но нашел лишь документы, касающиеся дел Виллы Закатных Облаков, никакой полезной информации. Что же до Канона Печали и Разлуки, о нем здесь не было ни единого упоминания.

На столе лежали свитки с картинами. Юнь И осторожно развернул один из них: взору предстали несколько кустов цветущего ночного зефирантеса — такие живые, словно настоящие.

— А-Юань, — тихо позвал Юнь И.

— Что такое? Нашел что-то? — Гу Юаньлинь подошел от книжного шкафа.

— Посмотри на эту картину, она кажется тебе знакомой?

— Хм? — Гу Юаньлинь внимательно всмотрелся в изображение. — Похоже на... кажется, я видел подобное на складном веере Цю Янфэна.

— Верно, его веер расписан именно ночным зефирантесом, — Юнь И поднял взгляд на него, а затем снова перевел на картину, слегка нахмурившись. — Однако эта картина и та, что на веере Цю Янфэна, явно написаны разными людьми.

— Правда? Ты хочешь сказать, что не Цю Янфэн автор этой картины?

Гу Юаньлинь мало что смыслил в живописи. В современном мире у него не было возможности прикоснуться к искусству, а прежний владелец этого тела в детстве был непоседой, любил драки и боевые искусства — хорошо еще, если его удавалось усадить за учебники, не говоря уже о чем-то еще.

Гу Юаньлинь наклонился к столу и еще раз внимательно изучил рисунок, но так ничего и не понял. Озадаченно он произнес:

— По-моему, эти цветы нарисованы очень даже неплохо, очень похоже.

— А-Юань, посмотри: хотя зефирантес здесь выписан весьма искусно, ему не хватает духа. А на веере Цю Янфэна, хоть и сделано всего несколько мазков, в них передана сама суть, душа цветка. Значит, тот, кто это рисовал, обладал невероятным мастерством.

Юнь И не поднимал головы, продолжая рассматривать картину, словно разговаривая сам с

собой:

— Мне кажется, именно эту картину написал Цю Янфэн, а вот цветы на веере — дело рук кого-то другого.

Гу Юаньлинь подпер подбородок, погрузившись в раздумья, и молчал.

— А-Юань, ты что-нибудь нашел? — опомнился Юнь И.

— Я просмотрел все книги на полках, ничего странного, — Гу Юаньлинь развел руками. — Комната очень простая, всё видно как на ладони, даже следов того, что здесь кто-то жил, нет. Нет, здесь что-то не так. Разве этот кабинет не слишком прост? Так же прост, как и весь этот двор.

— Хм... может, здесь есть тайная комната?

Гу Юаньлинь вспомнил сюжеты из сериалов: в таких странных, пустых комнатах обязательно должны быть тайные комнаты или потайные ходы.

— Тайная комната? — Юнь И, подхватив мысль, словно о чем-то догадался. — А-Юань, быстро, поищи, нет ли здесь какого-нибудь механизма.

— Хорошо.

Гу Юаньлинь вернулся к книжному шкафу. На самом деле, еще с самого начала его смущали безделушки на полках. Среди сплошь нефритовых и фарфоровых изделий вдруг стояла деревянная резная курильница для благовоний в форме лотоса. Либо у него проблемы со вкусом, либо что-то не так с самим Цю Янфэном.

— Юнь И, как думаешь, эта курильница что-то значит? — спросил Гу Юаньлинь, глядя на подошедшего к нему Юнь И.

— Судя по материалу, это сандал. Очень дорогое дерево, многие литераторы любят держать курильницы из сандала в кабинетах, придавая значение фразе: Аромат красного рукава сопровождает чтение по ночам.

— О, вот оно что. Похоже, Цю Янфэн просто пускает пыль в глаза, на этой курильнице нет ни малейшего следа от сгоревших благовоний, — усмехнулся Гу Юаньлинь.

— Действительно? — Юнь И внимательно осмотрел курильницу. И правда, пользоваться ей не собирались, но когда его взгляд упал на правую часть корпуса, он невольно прищурился.

Заметив его сосредоточенность, Гу Юаньлинь тоже стал серьезен:

— Что-то не так? — спросил он и уже было протянул руку, чтобы коснуться курильницы.

— Не трогай! — Юнь И поспешно перехватил его руку, не давая дотронуться.

— Что такое? Механизм? — Гу Юаньлинь быстро сообразил, в чем дело.

— Похоже на то. Посмотри на дерево с правой стороны курильницы — оно выглядит светлее и гладче, чем в других местах.

— И правда...

— Курильницей не пользуются по назначению, а изменения на дереве свидетельствуют о частом прикосновении. Я подозреваю, что это механизм, и хозяин пользуется им постоянно.

— Значит, это вряд ли ловушка с отравленными стрелами. Скорее всего, вход в тайную комнату. Давай попробуем повернуть.

Говоря это, Гу Юаньлинь подался вперед и, следуя за потертостями на дереве, приложил правую руку к курильнице.

— А-Юань... давай я, — Юнь И из-за своих раздумий среагировал чуть медленнее.

— Всё в порядке, я справлюсь. Не волнуйся, ты лучше следи за тем, что творится вокруг.

— ...Хорошо.

Гу Юаньлинь с силой надавил на курильницу — она не сдвинулась ни на йоту. *И правда, механизм*, — подумал он. Он прикинул, куда приложить усилие, когда ладонь ложится на этот участок, и решил, что логичнее всего будет повернуть по часовой стрелке. Он плотно прижал ладонь к стенке и повернул влево на пол-оборота.

Юнь И уже держал руку на рукояти меча. Раздался тихий скрежет, и книжный шкаф перед глазами Гу Юаньлиня медленно отъехал в сторону, открывая проход длиной около девяти чи и шириной в полтора человека.

Как только механизм сработал, Гу Юаньлинь схватил Юнь И за руку и отступил на полшага, замирая прямо перед открывшимся проходом.